

ТЕХНИКА АКВАРЕЛИ

Максим
Волчкевич

Максим Волчкевич
Техника акварели

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

Волчкевич М. А.

Техника акварели / М. А. Волчкевич — «Издательство «Перо»,
2020

ISBN 978-5-00171-268-8

Максим Волчкевич не только музыкант и композитор, он еще и прекрасный поэт – так мастерски он владеет словом, так цепко примечает детали, так чутко, нетривиально мыслит. Его песни порою рождаются одновременно со стихами, но чаще – спустя некоторое время. Как и всякий поэт, Макс живет в очарованном мире. Мир этот гармоничен, даже, в некотором смысле, идилличен – ничего уродливого он не приемлет. Во времена, когда от художника ждут изображения хаоса и бессмысленности жизни, такая позиция принципиальна. Потому что красота – не убежище от экзистенциального страха. Красота – это, прежде всего, ответственность. Григорий Кружков

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00171-268-8

© Волчкевич М. А., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

I		6
	Садовник	7
	АКВАРЕЛЬ	8
	Стихотворение	9
	Зимняя чашка	10
	Тема сквозняка	11
	Офелия	12
	Репейник	14
	Симфония дождя	16
	Море	18
	Романс о цветах	19
	Два мира	20
	Насыщение	22
	Персидская сирень	23
	Степь на закате	24
	«Насыпь железной дороги...»	26
	«Живи легко...»	27
II		28
	Выпал снег	29
	Черное на белом	30
	Ночь в телескопе	31
	Мартовские каникулы	32
	Весна в Швейцарии	34
	Апрель	35
	Утро	36
	Иголка	37
	Весенний день	38
	Бричка	39
	Облако над холмом	40
	Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Волчкевич

Техника акварели

Составление: А. Волчкевич

Рисунки: А. Вайнер

© Волчкевич М., 2020

Издательство «Перо», 2020.

* * *

Моей жене, Анастасии.

I

Садовник

Садовник лестницу приставил и, на куст
взобравшись, розу ножницами срезал —
и изучал механику цветка.
А в это время за его спиной
стояла нимфа, яблоко кусая.
На ветке дуба чижик щебетал,
когда она смешинкой подавилась,
но, испугавшись, спряталась за ствол.
Садовник оглянулся – никого:
трава не смята, лестница в порядке,
и не спеша затылок почесал.
Не надо удивляться ничему —
ведь в жизни может всякое случится
с любым из нас. Тем более в одно
прекрасное и солнечное утро.

АКВАРЕЛЬ

Солнечный зайчик на полке,
мыслей шарманка сломалась —
утром в ушко от иголки
видится каждая малость.

Тени сквозь ситечко льются,
небо подернуто дымкой —
день высыхает на блюде
переводною картинкой.

Скажете, так не бывает?
Просто балкон занавешен.
Лето стремительно тает,
словно тарелка черешен.

Как на открытой странице,
в красках сырых и цветенье,
мир еще весь на границе
яркого света и тени.

Чашка горячего кофе,
полная ваза ромашек.
Чей-то немислимый профиль
быстрый ведет карандашик...

Только не делайте шага
к той белоснежной постели —
это простая бумага,
техника акварели.

Стихотворение

Вот винограда: она
прозрачна, хорошо видна.
На ней есть матовость, какую
я поцелую.

Лежит на блюде белом гроздь,
она просвечена насквозь —
хвала стихотворенью!

Оно само, как виноград
без кости, чистый рафинад.
Но – с изумрудной тенью.

Зимняя чашка

Бывает день из мира неземного,
в конце зимы, – похожий на предмет
тончайшего фарфора голубого,
где каждый палец виден на просвет.
Он изнутри сиянием пронизан
от холода, оставшегося в ней,
как чашка из разбитого сервиза —
прекрасная и полная теней.

Открой буфет высокий и певучий,
и этот день поставь перед собой,
и поверни, чтоб видно было лучше
со стороны – какой он голубой.
Уже февраль, весна не за горами.
Недолго нам осталось коченеть —
вот так сидеть пустыми вечерами
и ложечкою чайною звенеть.

Тема сквозняка

Тающий сахар света
в ложке потемок – это
снадобье для зимы,
наступающей тьмы.

Тихо звенит посуда
времени – и отсюда,
кажется мне, слышней,
кто играет на ней.

Среди стаканов, вилок
флейту пустых бутылок
пробует ветер – тот,
что не знает пустот.

Посередине мира
от водки ли, от кефира
появляется вдруг
шероховатый звук.

Вот он растет – и быстро
горлышками регистра
пробегаёт легко
скисшее молоко.

По стенкам пушистой пыли
до последней бутылки,
в коей ничего нет, —
срывается на фальцет.

Зубья и шестеренки
играющий на гребенке
перебирает: там
та-ра-рам.

Лестницы потайные,
шатуны часовые —
механический мрак
вторят ему: тик-так.

Ночь, как язык, немеет,
музыка цепенеет,
ключ открывает дом —
никого за столом.

Офелия

Пусть ночь кругом тиха, темна,
за светляком плывет луна —
свечой внутри освещена,
речной водой окружена.

Пусть мне безумье суждено,
ромашки, клевер – все равно
к себе зовет меня оно,
как стебель лилию на дно.

Ступай за ним, тянись, плыви
на огонек своей любви...
Скажи ему, что я живу —
могу держаться на плаву.

Тебя в кольце из плавунцов
несет река – в воде лицо
среди цветов и диких трав
плывет, тобой быть перестав.

Там ил речной тягуч, глубок,
над головой зеленый дрок.
А песню держит между строк
последний воздуха глоток.

Репейник

Кипы зелени и кроны,
обмелевшие пруды,
теплый дух и цвет зеленый
взбаламученной воды.
Лучше места не бывает —
на подгнившие мостки
только ряска набегает
да качает поплавки.

Здесь на выжженном суглинке
одуванчиковый пух,
и выходит из травинки
вместо курицы петух.
Человек стоит трехтонный
с кепкой вечною в руке,
и буфет пристанционный
на обеденном замке.

Там встают не слишком рано
и живут до похорон,
из граненого стакана
пьют державный самогон.
С буквы пишутся заглавной
слово «хлеб» и слово «труд».
Климат там неблагодарный:
что посеют – не пожнут.

Не упомнить то, что было,
стало в памяти светло —
мусор к берегу прибило,
стрекозиное крыло.
Память – мусор тот же самый,
прицепившийся репей:
как на снимке, папа с мамой,
леска, банка для червей.

Это смерть пришла? – Ну что вы,
просто детская рука
ящик тронула почтовый,
дотянулась до звонка.
Нас с тобою здесь не знают —
мы пойдем как грибники
по дороге, где гоняют
бабочек грузовики.

Симфония дождя

Она войдет немного погода,
окно откроет сердцу и молитве —
и зазвучит симфония дождя
прекрасная, как роза на пюпитре.

О, сколько в ней хрустальных голосов,
высоких нот и восхищенных взоров!
Ей шум понятен лиственных лесов
и глубина готических соборов.

В ее подвалах столько тишины,
что кажутся бессвязным бормотаньем
слова людей, которые смешны
перед ее порывистым дыханьем.

Шквал налетит – по крыше желяной

пройдет горохом ледяного града
и окружит волшебною стеной
сияющего водопада.

Он будет истончаться и редеть
при свете дня, на тысячу особых
порвется нитей, но не разглядеть
в нем лишних нот – скрипичных и басовых.

Не разобрать: во сне иль наяву
ты это видишь, слышишь, осязаешь.
Но вдруг блеснет, как солнце сквозь листву,
мелодия – и ты ее узнаешь!

И пелена спадет – откроет лес
просветы между мокрыми стволами,
и в них нахлынет синева небес...
Как это будет – не сказать словами!

А по листьям пройдет творенья дрожь,
подаст свой голос птица. И в ответе
за этот мир сегодня будет дождь —
он спас его от засухи и смерти!

Море

Средь флейт земных всегда в миноре,
земным неведомо богам,
ты вновь подкатываешь, море,
к моим ногам.

Твой счет у времени огромен,
ты отступаешь налегке,
смывая город, что построен
был на песке.

Пусть ключ единственный потонет
к твоим симфониям, но лишь
морская раковина помнит
как ты шумишь.

И чайки не летят за теми,
кто канул, не достигнув дна,
туда, где музыка и темень
и глубина.

Но с новой силой на рассвете
влечешь ты парус рыбака,
когда подует свежий ветер
с материка.

И волн свободных с облаками
не остановишь на бегу —
так чист простор и гладок камень
на берегу.

Романс о цветах

Вот красный цвет – в нем розы разворот
подобен ране, он в душе цветет
и сердце манит, словно мотылька,
в воронку страсти, в глубину цветка.
Кто в мякоть сокровенную проник,
им обладал, кто к ране той приник —
тот не напился, сколько б он ни пил,
но лишь любовью крылья опалил.

Вот синий цвет, небесный, голубой —
в нем тайна примирения с собой.
В нем есть покой и холод, но сперва
всего другого – только синева.
Она сквозит в исписанных листах,
в словах высоких, полевых цветах...
Она близка, как небо на горе —
в ней бездны цвет на утренней заре.

Спроси, зачем на свете мы живем...
Вот черный цвет – и нет оттенков в нем.
То мрака знак, могилы и конца,
он – царь теней, и нет на нем лица.
Так бархат черный послан в этот мир:
на нем прекрасней роза и сапфир,
любовь живая или красота.
Покуда смерть – последняя черта.

Два мира

Сегодня я гулял по лесу
и видел, как стояли сосны
кирпично-красные; стрекозы
носились в воздухе нагретом,
как механические эльфы:
то на кору садились цепко,
то вдруг взлетали, превращаясь
в набор отдельных плоскостей.
Что делать! мир членистоногий
от силы солнечной зависит,
как все растительное царство:
чем ярче воздух раскаленный,
тем стебель слаще, и кислее
яд муравьиного укуса;
тем тоньше аромат цветочный
прохладным вечером, богаче
узор на крыльях драгоценных
летучих гусениц... Однако,
как хорошо, что сотворен он
в миниатюре: на ладони
жук умещается рогатый,
кузнечик, мыслящий ногами,
и даже бабочка, подобно

открытой книге. Невозможно
принять гигантских насекомых:
тогда бы против нашей воли
они селились с человеком
и отвращение внушали.
Мы ненавидим тех, кто с нами
живет, кто кров и хлеб наш делит:
мух, что на сахар белоснежный
салятся черными ногами,
и хитроумных тараканов,
от наказания бегущих, —
они нам равно неприятны.
Два мира, столь различных между
собой, как наш – и насекомых,
не существуют вместе: сколько б
мы ни приписывали разум
стручку гороховому или
нежно-зеленой балеринке —
для нас личинки и стрекозы
едва ль ожившие растенья.
Вот если мысленно мы с ними
вдруг поменялись бы местами,
когда бы вместо великанов
вдруг оказались муравьями —
скорей всего...

Насыщение

В конце стола, у бездны на краю,
душа моя, я сладкое люблю:
плоть рыхлую у испеченной сдобы,
как тело коронованной особы.
Ведь не секрет – мучное мне вредит...
Но лишь цукат его опередит.

Какая легкость в булочке, заметь!
Она уже не в силах расползеть
и больше стать от воздуха и крема,
а все растет... Какая это тема!
Но миг прошел – бедняжку не вернуть.
И насладившись, хочется зевнуть.

Так мир устроен, и не надо слов.
Опять объелся дедушка Крылов.
Простим ему необходимый отдых,
стул отодвинем – больше он не съест.
А коль в партере нам не хватит мест,
не будем строги – постоим в проходах.

Персидская сирень

Я бражником порхаю
сегодня целый день
и нюхаю, вдыхаю
персидскую сирень!

Она крупна, лилова,
рассыпчата на взгляд,
и я даю вам слово —
вкусней, чем рафинад!

Есть тайная наука
менять цвета, места,
быть легким, как шкатулка,
в которой пустота.

Цеди ее по капле
с друзьями во дворе,
стань дымкою на Капри
и мухой в янтаре.

Клади на эту прелесть,
пока не слишком пьян,
в лучах весенних греясь,
ты «рыбу» и «баян».

И в назиданье внукам
сыграй в немом кино,
где падают со стуком
все кости домино.

Степь на закате

Ты запомнишь травинку заката
между шпал почерневших, где зной
пахнет углем, как щебнем лопата,
и не движется воздух земной.
Впереди огонек светофора
задрожит на свободном пути.
И до станции будет не скоро —
все равно до утра не дойти.

Солнце сядет – и с насыпи пыльной,
где вьюнок под ногами цветет,
ты увидишь, как месяц старинный
над притихшею степью встает,
как трава между рельсов, услышишь,
неподвижно звенит от цикад.
И поймешь, ничего не попишешь,
где кончается этот закат.

Это будет дорожка на склоне
или, может, вершина холма,
но ее не касаются кони
в темноте – они сходят с ума.

Это будет окрашенный светом
безымянный участок степной,
где становится каждый поэтом.
Но обходят его стороной.

И тогда это самое место,
на котором кончалась земля,
вдруг уйдет, как вершина оркестра
или тонущего корабля.
Ничего не останется, кроме
того краешка вечности, где
алый отблеск лежал на соломе
вместе с ночью. И верил звезде.

«Насыпь железной дороги...»

Насыпь железной дороги
тронута акварелью —
на километре утра
облачко иван-чая

«Живи легко...»

Живи легко, испытывая радость
созвучий тех, что смерти не слышны, —
из стебелька высасывая сладость
и музыку творя из тишины.

Не прекословь. И, сам того не чая,
в обыденности к Богу прикоснись —
великое пройди, не замечая,
и малости ничтожной поклонись.

II

Выпал снег

Выпал снег. Будто снят с палец
кружевной покров толщиной в палец.
Все покрылось снегом: свекла, брюква.
Хорошо видна на белом каждая буква.
Ртуть упала в градуснике. Стало слышно,
как ворона каркает, чтоб не вышло:
пистолеты заряжать пора, опробовать в деле...
Выпал снег, белый, как на дуэли.
Впрочем, можно различить больше:
звон буфета, серебряных ложек тоньше,
запах свежей газеты, пение за окном синицы,
шорох переворачиваемой страницы.
Стало быть, зима. Тишина в мире,
соль и скатерть чистые на столе в трактире.
Всадник не скачет, не скрипят дроги —
белый снег лежит на большой дороге.
Стало быть, зима. Не чета брезгать
чаем с рафинадом и каток резать,
кренделя выписывать, скакать фертом;
марочку отпаривать над конвертом.
Знать ответ пришел не гадан, не прошен —
все белым-бело, мундир запорошен.
Вам письмо, минхерц: расплылся синим
штемпель на конверте – письмо из России.
Стало быть, зима: далеко видно,
слышно хорошо, никому не обидно.
Выпал первый снег, принесли почту —
вот случилось оно что... Вот что.

Черное на белом

Зима, деревья, черный карандаш
отточенный, почтовая бумага
без подписи – слуга покорный Ваш
по белизне еще не сделал шага.
Как полотенце вафельное, чист
снег выпавший. Холодный без перчаток
металл ограды обнажает лист
нерукописный – каждый отпечаток.
Железный почерк, тонкое литье
поэзии – но для запоминанья
непостижимо существо твое,
и не расставить знаков препинанья.
Скользит перо. На завитке ворот
задержится, не требуя почтения.
И только смысл ускользает от
внимательного взгляда, от прочтения.

Ночь в телескопе

Кто поведал человеку
эту истину, мой друг:
снег – движение молекул...
Броун или Левенгук?
Тут вопрос, конечно, спорный,
не разгадывай его —
ночь в трубе твоей подзорной,
снег, и больше ничего.

Где светила и планеты?
Не отыщешь ни одной.
Только снег вверху – и это
так красиво, Боже мой!
В стеклах чистых, окулярах
и биноклях всех мастей
он для маленьких и старых
радость сыплет из горстей.

Изучает повсеместно
это каждый звездочет,
но доподлинно известно
только то, что снег идет.
А куда – никто не знает...
Да и нам не повезло.
Ночь снежинки сосчитает
и забудет их число.

Мартовские каникулы

Последний наст ломается печеньем
под каблуками. Как стакан вина,
прозрачен воздух. Отблеском вечерним
в природе отстоялась глубина.

Свой карандашик легкость очинила:
в воде проточной отразился лес,
и облаков летучие чернила
повисли в невесомости небес.

Прислушайся: во флигеле поместья
запел скворец, а в ельнике – ручей.
И даже в Вене первый капельмейстер
брэнчит сегодня связкою ключей.

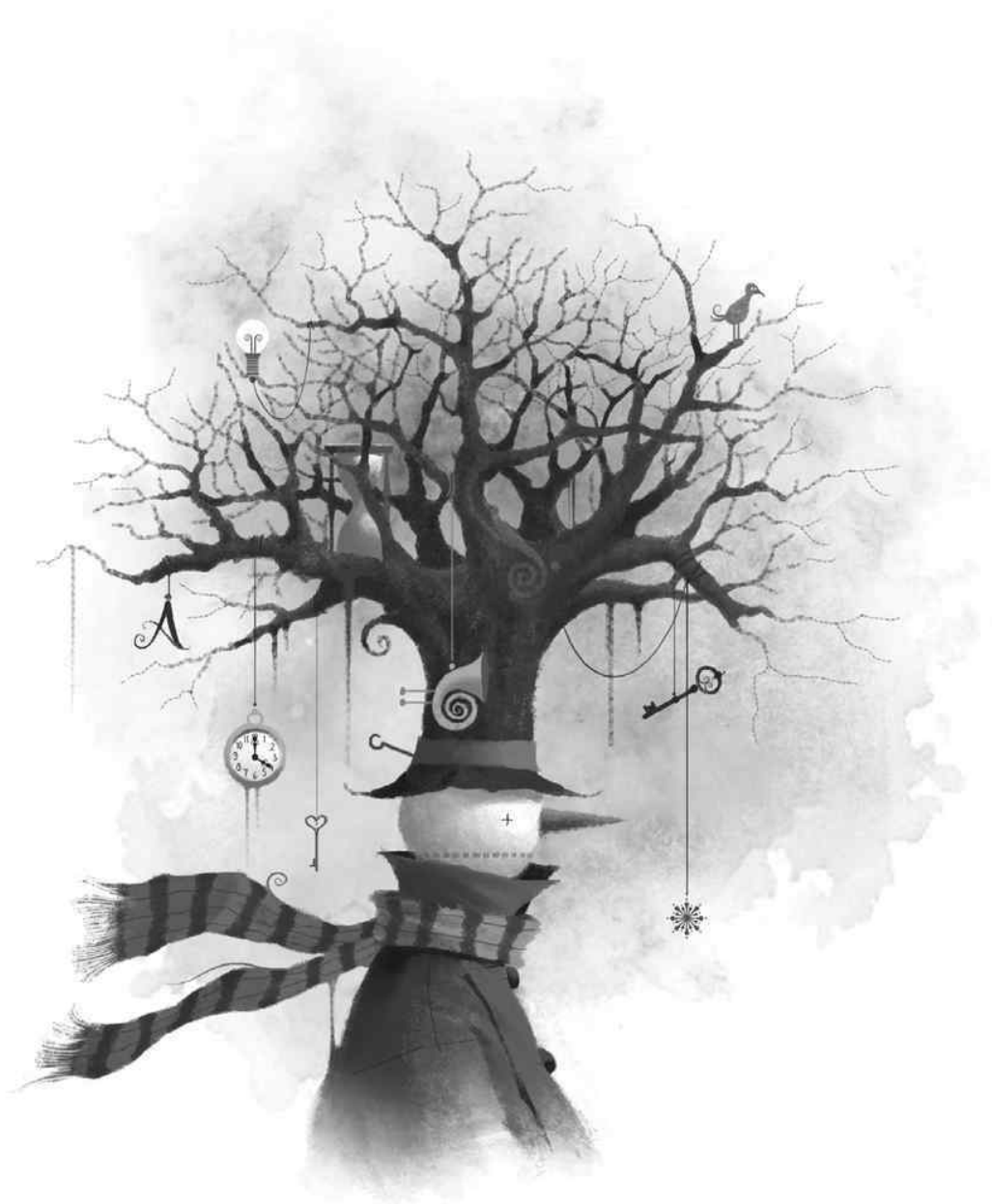
На пол дубовый сыплются монеты —
одна из них упала на ребро
и выкатилась в двери кабинета,
по лестницам роняя серебро.

Взяв чистый лист на уличной скамейке,
и нацепив железные очки,
слепая ночь наносит по линейке
скрипичные и нотные крючки.

Еще в чехлах стоят виолончели,
еще смычки не плавят канифоль,
но взяв аккорд, исполненный значенья,
уже настройщик пробует бемоль.

Еще шестки готовятся к апрелю —
в руках тесак, за ухом карандаш.
Но смазанный небесной акварелью,
уже кларнет насвистывает марш!

Спешит весна и каждой нотой вторит
еще нестройным птичьим голосам,
чтоб, встав за пульт лесных консерваторий,
концерт начать по солнечным часам!

Весна в Швейцарии

Наверху воздух чище, а снег белее.
Как затянувшаяся весна
в горах Швейцарии медленно, еле-еле
вечерняя распускается голубизна.
Наступают сумерки. За гардиной
оживают тени, на циферблат
часов набегают облако – и в гостиной
цветочный распространяется аромат.
Так с холода пахнут фиалки —
охапкою из корзинки
цветочницы у отеля. Фарфоровой белизной
так смешивают оттенки —
и кажется, по старинке,
в маленьком тихом городе пахнет весной.
Но ты зажигаешь лампу, из сумрачных помещений
вступаешь в окружность света, не замечая, как
тьма открывает шлюзы, спускается из ущелий,
и заливает площадь черный стерильный мрак.
Гаснут витрины улицы.
От спячки дневной очнувшись,
старика спускаются к ужину: кому-то еще нужны
их разговоры, ворчание. А земля, повернувшись,
тебе открывает сторону, полную тишины.

Апрель

Дырявым известен карманом,
трамвайным звонком знаменит,
апрель по замызганным рамам
легчайшей монетой звенит.

Прозрачна луна на ущербе,
бульвар первым пухом одет,
и птичий пронзительный щебет
на вешней замешен воде.

Портфель твой, случайный прохожий,
(он мне почему-то знаком!)
скрипит крокодиловой кожей
и новеньким блещет замком.

Смотри же: по проволоке с током
скользнет за троллейбус звезда,
труба загремит водостоком
и выплюнет косточку льда.

А ночь, за ограды цепляясь,
по следу бежит колеса,
и голуби, в лужах купаясь,
мешают с землей небеса.

Утро

Ты проснешься – по телу мурашки
пробегут, и весенняя дрожь
заберется за ворот рубашки.
Подоконники выскоблит дождь.

Будут сумерки в тюлевых складках,
воробьиная рань на часах —
будет утренний холод в лопатках,
будет сырость в твоих волосах.

Будет косточку в мякоти нежной
лета ночь отделять языком
от несмелой любви безнадежной,
горьким вскормленной молоком

одуванчиков, слез непролитых
и пригоршней воды питьевой,
что дождем на ладонях открытых
остается – и свежей землей.

На той улице умалишенной,
в том дожде наша юность видна,
как начало поэмы сожженной
у открытого в небо окна.

И наверно об этом не стоит
говорить – просто станет светлей
в твоей комнате, чисто отмоет
утро белое в чашке твоей.

Иголка

Что ты вышивала рукою
по чистой канве языка,
за ниткой следя голубою,
распускающей облака?
Однажды, не занята делом,
сидела среди тишины —
и крестик остался на белом
батисте с другой стороны.

Быть может, за это мгновенье,
которому имени нет,
мы грусти немой дуновенье
меняем на солнечный свет —
чему-то, не ведая сами,
находим единственный звук.
И, тайны коснувшись перстами,
иголку роняем из рук.

Весенний день

Вот человек, идущий мне навстречу:
на нем пальто без пуговицы, день
сегодня теплый – теплый и весенний.
Как хорошо: он точно обо мне
не думает – в глазах его далеких
я отражаюсь, словно облака,
деревья или птицы на деревьях.
Что означает странный этот взгляд?
Работу мысли он не означает,
поскольку тот, кто мыслит, на одном
всегда сосредоточится предмете.
А здесь другое: птицы, облака...

Но если так, пройдем на миг
дано себя в глазах его увидеть
и различить на яблоке глазном
весь этот мир – далекий и прекрасный.

Бричка

Едет бричка по чистой дороге —
птицы свищут, не видно людей.
Мягкой пылью ложится под ноги
путь, которому нет лошадей.

В стороне от иных развлечений,
лесом, полем, неведомо как —
то нырнет она в ельник вечерний,
то сквозной пролетит березняк.

Погадает кощей на ромашке,
захохочет на кладбище бес.
В чистой шелковой, белой рубашке
едет барин – и слушает лес.

Сколько жизни прошло в разговорах,
сколько спето, а выпито сколь?
Невесома, легка на рессорах,
бричка мчится – кататься изволь.

По дороге, по жenuшке милой, —
то за счастьем, а то при деньгах
кто плетется, кто едет с повинной,
а кого поведут в кандалах.

Кто умрет или душу погубит,
до конца лепестки оборвет.
Погадай-ка мне: любит, не любит —
разве знает он, сколько живет?

Облако над холмом

Посмотри на белое облако в яркий солнечный день:
оно на ладони ветра маневрирует в синеве,
бежит через холм цветущий прохладная его тень,
когда, запрокинув голову, на нем ты лежишь в траве.

Рядом десятков кузнечиков вонзаят в июльский зной
смычки, канифоля крылышки где-то в своем паху,
и лишь кучевое облако, плывущее над тобой,
кажется ослепительным, прекрасным – там, наверху.

Посередине жизни ты лежишь на спине,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.